

Тема Первой мировой войны в творчестве А.Н. Толстого

Тема Первой мировой войны занимала одно из центральных мест в творчестве Толстого с осени 1914 г. По признанию писателя, именно война способствовала преодолению того кризиса, в котором он оказался некоторое время спустя после своего блистательного литературного дебюта («Настал день, когда я с трепетом почувствовал: нужно жить в современности <...> Я писал все хуже, все ненужнее — беспомощно барахтался в дикой стихии русского языка» [Толстой, 1986, с. 149]; «Я исчерпал темы воспоминаний и вплотную подошел к современности. И тут я потерпел крах. Повести и рассказы о современности были неудачны, не типичны» [Толстой, 1982, с. 43]). Много позже Толстой писал о военном периоде своей жизни: «...я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие <...> Я увидел русский народ» [Толстой, 1982, с. 44]. Поездки на фронт, знакомство с военным бытом, беседы с солдатами и офицерами открыли писателю то, что он так долго искал, — дух времени. Однако в своем отношении к войне как к событию не только русской, но и мировой истории Толстой прошел через ряд порой резко контрастных этапов.

Известие о начале мобилизации 17 (30) июля 1914 г. застало писателя на пути из Коктебеля в Москву. Уже в конце августа он выехал на фронт в качестве военного корреспондента московской «профессорской» газеты «Русские ведомости». Своему отчиму, А.А. Бострому, Толстой писал: «Я работаю в “Русских ведомостях”, никогда не думал, что стану журналистом, буду писать патриотические статьи. Так меняются времена. А в самом деле я стал патриотом» [Переписка, 1989, с. 212].

На протяжении 1914–1916 гг. писатель трижды выезжал в зону военных действий: в 1914 г. на юго-западный фронт, в 1915 — на кавказский, в 1916 — на западноевропейский. Соответственно свои очерки он объединит в циклы: «По Волыни», «По Галиции», «На Кавказе», «В Англии». Военные маршруты Толстого также войдут составной частью в своеобразную летопись войны, воссозданную им на страницах романа «Хождение по мукам» (1919–1921). Она станет хронологической осью повествования, организующей художественное пространство и время произведения.

В августе-сентябре 1914 г. писатель побывал на Волыни, в местах наступления русской армии. За четверо суток проехал города Ковель, Владимир-Волинский, Грубешов, Лашево, Томашев, Тасовицы, Замостье и Холм. Затем, в начале октября, проследовал в Галицию. В письме своему приятелю, К.В. Кандаурову, он рассказывал: «Я так устал за 4 дня непрерывной скачки в телегах и бричках по лесным дорогам, под дождем, воспринимая единственные в жизни впечатления, что писать о них сейчас не могу <...> Подумать только — я прожил год жизни за эту неделю, а это лишь только начало войны» [Переписка, 1989, с. 214].

Галицийские впечатления, видимо, стали одними из самых ярких в художественной памяти Толстого. В места действия русских армий Юго-Западного фронта попадет в начале войны зачисленный в армейский полк прапорщиком один из главных героев «Хождения по мукам» Иван Ильич Телегин. К событиям в Галиции в их трагическом развитии будет дважды отсылать текст романа: в главе XVIII, где речь идет о начавшейся 5 (18) августа 1914 г. Галицийской битве, в ходе которой русские армии в упорных боях нанесли крупное поражение австро-венгерским военным соединениям, заняв Галицию и часть австрийской Польши, и в главе XIX, где зафиксирован прорыв фронта австро-германскими войсками весной 1915 г., в результате чего русские были вынуждены отступить и покинуть Галицию.

Корреспонденции Толстого 1914 г., вырвавшиеся из коротких записей на небольших листках карманного блокнота и называвшиеся «Письма с пути», составили первую книгу военных очерков писателя. Посвящая ее балерине Большого театра М.В. Кандауровой, автор с подчеркнутой пафосностью, за которой, однако, невозможно не почувствовать масштаба совершившихся событий, писал: «Маргарита, с глубоким чувством приношу Вам эту небольшую книгу, в ней собрана большая часть того, что я видел за две поездки на места войны. Я видел разрушенные города и деревни, поля, изрытые траншеями, покрытые маленькими крестами, крестьян, молчаливо копавшихся в остатках пожарища или идущих за плугом, посматривая — далеко ли еще от него разрываются снаряды, и женщин, которые протягивают руку на перекрестке дорог, я видел сторожевые посты на перевалах Карпат и огромные битвы по берегам Сана, я слушал, как вылетают из ночной темноты гранаты, я смотрел на наши войска в тылу и на месте работы. Я бы хотел, чтобы Вы последовали за мной в вагоне и на лошадях, пешком и в автомобиле по всем полям войны, от глубокого тыла до передовых траншей, и почувствовали, что большие жертвы приносятся для великого возмездия, и ваше сердце задрожало бы гордостью за наш народ, мужественный, простой, непоколебимый и скромный» [Толстой, 1915, с. 5].

В первый год военных действий писателю, впрочем, как и многим его современникам, более всего была свойственна идеализация целей, задач и сущности войны, что предопределило патетическую тональность целого ряда его публицистических работ. В своей первой статье на военную тему «Трагический дух и ненавистники» («Отечество») он писал: «Переворот произошел в один день, к вечеру мы стали крепким, решительным, чистым народом. Словно над всей Россией в этот день пролетел трагический дух — дух понимания, спокойствия и роковых, мирового смысла задач» [Толстой, 1949, с. 9]. В постскрипуме одного из писем отчиму Толстой с упоением отмечал: «Конечно, ты знаешь, что это мировая война, в которой погибнет наша цивилизация и настанет, наконец, прекрасный век» [Переписка, 1989, с. 213].

В основу художественных произведений писателя конца 1914 — первой половины 1915 г., созданных на военном материале, была положена идея нравственного исцеления, духовного возрождения человека на войне. Герой рассказа Толстого «Обыкновенный человек», прапорщик Демьянов, попадает на фронт в надежде, обретя силу духа, придать новый смысл своему существованию. Принимая боевое крещение, преодолевая страх, нерешительность, сомнения, он выходит из боя преобразившимся человеком. «Великий смысл» современных событий открывается ему в словах солдата Дмитрия Аникина, буквально списанного автором с Платона Каратаева из «Войны и мира»: «...кабы нам Бог войны не дал,

ограбил бы нас. Народ стал несерьезный. Чего не надо бояться, а больше по пустякам. Скука пошла в народе. Через эту скуку она и война. Теперь каждый человек понятие себе получит. Убийца будет такой же, как и праведник, а праведник пойдет по другой статье, потому что кровь — она цены не имеет» [Толстой, 1958, с. 282].

В то же время для Толстого-корреспондента, одного из немногих, был свойственен интерес к быту войны, ее непарадной стороне. Он был далек от романтического приукрашивания кровопролития и свойственного многим его современникам смакования ужасов. Не укрылось от художественного внимания Толстого и воплощение войны в тяжелом ратном труде ее участников, бедственном положении мирного населения, оказавшегося в зоне военных действий, беженцев и пленных, что наряду с описаниями разрушенных городов и деревень в его очерках и рассказах являло собой часть общей картины национальной катастрофы.

Индивидуальная интонация статей и очерков Толстого, выгодно отличавшая его в потоке военной литературы, была отмечена современниками. Уже в литературном обзоре за первый год войны говорилось, что в сборнике военной прозы писателя «нет шовинизма и опьянения жутко-сладким вином войны, нет развязности и бахвальства всезнаек, пишущих о войне за десятки верст от нее. Нет националистической слащавости и приторности» [Современный мир, 1915, с. 342].

А.И. Иванов, один из современных исследователей темы Первой мировой войны в русской литературе 1914–1918 гг., характеризуя циклы военных очерков писателя, справедливо отмечает, что они дают возможность говорить о первом этапе художественного осмысления войны, где отчетливо выделяется стремление «изобразить и почувствовать войну» [Иванов, 2005, с. 182–183]. Это «почувствованное» и вобрал в себя роман «Хождение по мукам», который стал для писателя уже следующим этапом в осмыслении и изображении одного из центральных событий мировой истории первой четверти XX в. Однако звучание военной темы в романе во многом контрастно ее воплощению в статьях и рассказах Толстого 1914–1916 гг.

О переломе в отношении к военным действиям почти всех слоев русского общества Толстой писал еще в январе 1917 г.: «Помню, в начале войны многое казалось истинным откровением. Появились герои среди обычных обывателей. Впервые, с оглядкой и радостью, произнесено было слово “родина”. На улицах Варшавы бросали цветы в сибирских стрелков. Мы пережили небывалый подъем и отчаяние, почти гибель. Все это минуло, время романтических боев прошло. Не повторятся ни кавалерийские набеги, ни головокружительные обходы галицийских битв, ни падение крепостей, ни отход на сотни верст. Война стала расчетом, фронт — буднями» [Толстой, 1917, с. 2].

Ко времени создания романа «Хождение по мукам» «романтика» войны была изжита писателем полностью. Об одном из «романтических боев» периода начала военных действий, «знаменитой» атаке «кавалергардов, когда три эскадрона, в пешем строю, прошли без одного выстрела проволочные заграждения, имея во главе командира полка, князя Долгорукого, шагающего под пулеметным огнем с сигарой во рту и, по обычаю, ругающегося по-французски», писатель упомянул на страницах произведения в отчетливо сниженном варианте, пояснив, что «кавалергарды, потеряв половину состава убитыми и ранеными, взяли две тяжелых пушки, которые оказались заклепанными и охранялись одними пулеметами» [Толстой, 2012, с. 124].

«Романтическими» назвал писатель в произведении и «постановления Гаагской конференции» о том, «как нравственно и как безнравственно убивать». Подчеркнуто иронический подтекст фразы актуализировал отношение самого Толстого к абсурдности подобного рода формулировок, провозглашая абсолютную безнравственность истребления одного человека другим.

Непосредственно военным действиям в романе «Хождение по мукам» посвящено пять глав: XV, XVI, XX, XXI и XXII. К ним примыкают главы с XXVI по XXIX, где рассказывается о гибели на фронте Бессонова и побеге Ивана Ильича из плена. В остальных война проходит фоном: о сражениях и передвижениях русских и союзных войск упоминается либо в авторских отступлениях, либо в монологах героев.

Фронт в романе, как правило, связан с двумя персонажами: Иваном Ильичом Телегиным (Галицийская битва) и Аркадием Жадовым (трагическое отступление русской армии в 1915 г.). На фронте погибают Алексей Алексеевич Бессонов и Николай Иванович Смоковников.

Конкретные события войны стали хронологическими вехами романа. Сопровождая его основные сюжетные линии, они позволяют им развернуться не только в художественных, но и в реальных пространстве и времени. Так, даты в главе XXIII, где речь идет о смертельной болезни Кати, ее выздоровлении, о жизни Смоковниковых на даче под Москвой, имеющие подчеркнуто размытый характер: «В конце мая», «В первых числах июня в праздник», «В начале августа», — дополнены упоминанием в тексте военных операций («Мы потеряли Львов и Люблин», «Варшаву отдали. Брест-Литовск взорван и пал»), которые не только конкретизируют временные характеристики, но и особым образом организуют повествование.

Главе XXV, где речь идет об отъезде на фронт сначала Вадима Рощина, а затем и Бессонова, предпослано небольшое вступление, в котором с необходимой степенью суггестии описана военная ситуация 1916 г. Его автономность очевидна, в то же время этот своего рода пролог к событиям в тыловой Москве на пространстве квартиры Смоковниковых и Тверского бульвара переводит их в плоскость основного исторического действия, еще более подключая вымышленных персонажей к той реальной современной истории, дыхание которой все время ощущается на страницах произведения.

В «Хождении по мукам» Толстой не стремится к полноте в изображении военных операций, в воспроизведении внешнего рисунка войны. Его главные усилия направлены на воссоздание атмосферы военного времени, на передачу характера разразившейся катастрофы. Война в романе — это всегда боль, кровь, страдание, утрата близких и бессмысленная гибель, сломленные человеческие судьбы.

Так, повисают в воздухе полные отчаяния риторические вопросы сокрушенной войной Кати Булавиной, на которые ни у нее, ни у сестры Даши нет ответа: «За что? — проговорила вдруг Катя низким и диким каким-то голосом. — За что нам это послано? Чем я виновата? Когда кончится это, — ведь буду старухой, ты поняла? Я не могу больше, не могу, не могу!.. — Она, задыхаясь, стояла у стены, у портьеры, бледная, с выступившими у рта морщинами, глядела на Дашу сухими, потемневшими глазами» [Толстой, 2012, с. 167].

Земля уходит из-под ног у лишившегося воли к жизни Алексея Алексеевича Бессонова, гибель которого на фронте предопределена еще в момент последней случайной встречи с сестрами: «У меня раньше оставалась еще кое-какая надежда... Ну, а после этих трупов и

трупов все полетело к черту... Создавалась какая-то культура, — чепуха, бред... Действительность — трупы и кровь, — хаос» [Толстой, 2012, с. 169].

Война в интерпретации автора «Хождения по мукам» — событие алогичное и необъяснимое, наделенное ролью пролога к новой грядущей катастрофе, «первое действие трагедии», так как «все разумные рассуждения» тонут «в океане крови, льющейся на огромной полосе в три тысячи верст, опоясавшей Европу». И никакой разум не может объяснить, «почему железом, динамитом и голодом человечество упрямо уничтожает само себя» [Толстой, 2012, с. 126].

Отношение к войне становится своего рода индикатором, с помощью которого автор характеризует персонажей. Так, за военной риторикой и политической трескотней Николая Ивановича Смоковникова («трепанием языка», как называет это Катя) скрываются аморальность и безнравственность, позволяющие ему с удовлетворением отметить, что у немцев «уже дети без кожи начинают рождаться».

Органически своей ощущает стихию войны Аркадий Жадов, потому так и поражает Елизавету Киевну его преобразившийся внешний вид: «Он был широкоплечий, русский, бритый, со светлыми, прозрачными глазами. Сидел он прямо, туго перетянутый ремнем, пил много и только бледнел» [Толстой, 2012, с. 139]. Его лицо кажется ей «страшным и прекрасным». Людей, «рискующих своей жизнью без принуждения», «у кого — органическая жажда убивать», Жадов относит к стоящим «на высшей ступени человеческого сознания» и тут же демонстрирует свою собственную принадлежность к подобным человеческим особям, проявляя завидную самоотверженность в сражении, которое «не имело никакого смысла, потому что убыль в войсках была пополнена, произведена новая мобилизация, изготовлены новые снаряды, выпущены новые партии бумажных денег»).

В то же время изживает войну соприкоснувшийся с ней Иван Телегин, отвечая на абсурдные заявления Струкова о конечных целях начавшейся революции: «Ты всю войну в тылу просидел <...> а я воевал, и знаю: в четырнадцатом году нам тоже нравилось драться и разрушать. Теперь нам это не нравится. А вот вы, тыловые люди, только теперь и входите во вкус войны. И вся психология у вас мародерская, обозная: — грабь, жги!.. Я давно к вам присматриваюсь, — у вас идея — разрушать, самим дорваться до крови... Ужасно!..» [Толстой, 2012, с. 212]

Военные главы «Хождения по мукам» во многом основаны на собственных воспоминаниях и впечатлениях писателя. Однако то, о чем было написано в годы Первой мировой войны, привнесено в текст романа в существенно преображенном виде, что связано с переосмыслением автором тех событий, свидетелем которых он был.

О русском штабе в замке, близ Лашева, Толстой рассказывал в очерках «По Воляни»: «Над местечком, на горе, стоит среди векового парка древний замок польского графа Ш. Здесь находился сначала австрийский, а потом штаб нашей армии, здесь было сердце битвы, и весь замок, все службы и парк были заполнены нашими ранеными <...> У кирпичной стены вся земля была усеяна пулями и пулями были истыканы, как решето, стены замка» [Толстой, 1949, с. 29–30]. В романе эта реальная картина использована писателем для реконструкции сцен совсем иного содержания, прежде всего связанных с лишенной патетики повседневной жизнью армейских офицеров, где внутреннее убранство «покинутого» полуразрушенного помещения, еще недавно торжественно-изысканное, оттеняет абсурдность и алогичность военных будней: «Иван Ильич вошел в прихожую. В глубине ее, над широкой,

уходящей изгибом вверх, дубовой лестницей висел гобелен, должно быть очень старинный: — среди тонких деревьев стояли Адам и Ева, она держала в руке яблоко — символ вечной радости жизни, он — срезанную ветвь с цветами — символ падения и искупления. Их выцветшие лица и удлинённые тела неясно освещала свеча, стоящая в бутылке на лестничной колонне. Иван Ильич отворил дверь направо и вошел в пустую комнату с лепным потолком, рухнувшим в углу, там, где вчера в стену ударил снаряд. У горящего очага, на койке, сидели поручик князь Бельский и подпоручик Мартынов. Иван Ильич поздоровался, спросил, когда ожидают из штаба автомобиль, и присел неподалеку на патронные жестянки, шурясь от света» [Толстой, 2012, с. 115].

Как это видно, само выражение «сердце битвы», использованное Толстым в очерках по отношению к штабу армии, было бы здесь и неуместно и невозможно. На смену парадигмы указывает и замена в определениях: «древний замок польского графа Ш.» превращается в тексте романа в «покинутый» и безымянный.

Невозможно не почувствовать колоссальной разницы и между приведенными выше сентенциями Дмитрия Аникина из «Обыкновенного человека» и монологами рядовых в «Хождении по мукам», где отчетливо слышна тема греха убийства на войне: «Разве не зря — убить человека-то... У него, чай, домишко свой, семейство какое ни на есть, а ты ткнул в него штыком, как в чучело, — сделал дело. И тебе за это медаль. Я в первый-то раз запорол одного, — потом есть не мог — тошнило... А теперь десятого, или девятого кончаю... Дожили... Ведь страх-то какой, а? Раньше и в мыслях этого не было... А здесь — ничего — по головке за это гладят» [Толстой, 2012, с. 122–123].

Показательно в интересующем нас аспекте и упоминание сибирских стрелков в публицистике писателя периода войны и в романе «Хождение по мукам». В очерках «По Галиции» Толстой писал: «У нас же каждый день, каждый час вливаются в армию выносливые, крепкие, привыкшие к зимним невзгодам сибирские полки, блестяще показавшие себя в последних боях. Я видел, как подошел к станции один из эшелонов, на платформах стояли, задрав стволы, тяжелые орудия <...> Распахнулись двери вагонов, высунулись здоровенные ребята — молодые, широколицые, загорелые» [Толстой, 1949, с. 43–44]. Завершением этого сюжета в романе стали слова одного из безымянных солдат: «Видел я поле под Варшавой <...> лежат на нем тысяч пять али шесть сибирских стрелков. Все побитые, лежат, как снопы» [Толстой, 2012, с. 137].

Таким образом, ко времени создания романа «Хождение по мукам» в сознании писателя произошла дегероизация самого события войны, «парадокса с гуманнейшей культурой, которая за четыре года удачно слопала половину самой себя», военных действий и связанных с ними настроений в обществе, так как результатом кровопролитных сражений, овеванных иллюзорным «трагическим духом, духом понимания, спокойствия и роковых, мировых задач» стало не сплочение и возрождение нации, не «прекрасный век», а «военный и голодный бунт», каким в конечном итоге увидел Толстой Февральскую революцию.

Список литературы

- А.Н. Толстой: Материалы и исследования. М., 1982.
Гр. Алексей Н. Толстой. «На войне» // Современный мир. 1915. № 2; с подписью: Ал. О.
Иванов А.И. Первая мировая война в русской литературе 1914–1918 гг. Тамбов, 2005.

- Переписка А.Н.Толстого: В 2 т. М., 1989. Т. 1.
Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1915. Т. 6.
Толстой А.Н. Из дневника на 1917 год // Рус. ведомости. 1917. № 12 (15 янв.).
Толстой А.Н. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 3.
Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. 2.
Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1982. Т. 1.
Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1986. Т. 10.
Толстой А.Н. Хождение по мукам / Изд. подгот. Г.Н. Воронцова. М., 2012.